

ОТЗЫВ
официального оппонента
на докторскую диссертацию
Склярова Олега Николаевича
НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА:
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ
(объем 503 стр.)

по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Актуальность рецензируемого труда состоит, в первую очередь, в противостоянии эстетическому и рационалистическому скепсису, широко распространившемуся в культуре, в литературе, в науке о литературе под влиянием так называемого постмодернизма. Не слишком часто защищаются диссертации, авторы которых столь глубоко бывают озабочены онтологическими основаниями художественной культуры, «последними вопросами» бытия в литературном их преломлении.

Диссертация Олега Николаевича Склярова имеет двоякую направленность: как на саму литературу, на наиболее существенную тенденцию в литературе XX века, на то, чем этот век, на мой взгляд, и войдет в «большое время» художественной словесности, так и на ее самосознание, на творческую, философскую, научную рефлексию того исторического феномена, который мы с автором диссертации предпочитаем именовать «неотрадиционализмом».

По причине такой двойственности, манифестированной в заглавии работы, она делится на две части. Первая посвящена традиции как теоретической категории и тому типу творческого сознания, для которого культурная память традиции обладает принципиально важной ценностной значимостью. Вторая часть диссертации носит, можно

сказать, иллюстративно-фрагментарный характер. Ее разделы посвящены отдельным всплескам неотрадиционального художественного письма. Поскольку перед нами квалификационная работа по специальности «теория литературы», такая конструкция представляется вполне оправданной. Что же касается подробной истории неотрадиционализма, то для ее пристального обследования понадобится не одна диссертация.

Поскольку мои работы – наряду со многими другими – вошли в состав объекта исследования, не говоря уже о том, что я являюсь инициатором самого термина «неотрадиционализм», разумеется, я обязан сформулировать свое отношение к исследованию О.Н. Скларова не только с позиции экспертной венаходимости, но и с позиции «подопытного материала». В этом отношении с благодарностью констатирую, что мои положения, по большей части недостаточно обстоятельно обоснованные и потому несколько гипотетические, оказались автором диссертации адекватно понятыми и существенно, вполне корректно развитыми.

Рецензируемая работа представляется мне продолжением научного поиска на том общем исследовательском пути, на который вступил когда-то и я. При этом после диссертации О.Н. Скларова статус неотрадиционализма определенно изменился: из явления искомого, предполагаемого он превратился в явление найденное, обнаруженное, историческая реальность которого убедительно доказана. Полагаю, автору вполне удалось выявить как историческую уникальность русского неотрадиционализма, впервые обнаружившего себя в облике акмеизма, так и его укорененность в эллинско-христианской культурной памяти и в общеевропейской смене художественных парадигм.

Работу характеризует следование методологическим принципам исторической поэтики, не только составляющей, пожалуй, наиболее

ценное и вполне уникальное достижение отечественного литературоведения, но и порожденной к тому же именно неотрадиционалистскими интенциями научной мысли. При этом существенное теоретическое значение в качестве одного из итогов диссертационного исследования приобрела тщательная разработка категории традиции как intersubъективного опыта культуры, как творческой памяти художественного письма, выступающей не только гарантом сохранности духовных ценностей, но и предпосылкой их накопления в новых творческих актах.

В заключительном десятом параграфе первой части удачно сконцентрированы ключевые характеристики «нового традиционализма» – такие, как ответственный персонализм причастности к высшим началам бытия, как органическое единство личной суверенности и общекультурной солидарности, как диалогическая открытость сознанию «другого». Не стану лишней раз перечислять эти многочисленные параметры научного описания центрального, а потому и менее осязаемого в своих границах, сектора литературной жизни прошлого века. Однако с уверенностью скажу, что каждая из этих характеристик на протяжении работы отрефлектирована и неоднократно аргументирована на очень широком и тщательно изученном материале философско-эстетических и научно-методологических исканий.

Вторая часть диссертации содержит высокопрофессиональные образчики литературоведческих интерпретаций. Здесь сугубый теоретик первой части оказывается умелым практиком работы с литературными текстами и чутким читателем. Например, подробное и вдумчивое рассмотрение «Музыки на вокзале» Мандельштама, можно сказать, просится в какую-нибудь учебную антологию аналитических прочтений поэтических текстов.

Разумеется, выбор репрезентативных текстов мог быть и иным, но в целом он весьма удачен. Монографические разборы первой главы второй части предваряются рассмотрением становления неотрадиционалистских позиций таких ведущих фигур этой субпарадигмы неклассической художественности, как Осип Мандельштам и, конечно же, Вячеслав Иванов, впервые осознавший принципиальную роль в истории культуры и литературном процессе базовых типов ментальности («соборное» сознание, «уединенное» сознание, «легион») и оказавшийся истинным вдохновителем развиваемой литературоведческой концепции и, соответственно, вдохновителем данной диссертации.

Закономерно в этой главе представлены Ходасевич, Ахматова и Цветаева. Не могу не отметить, что в автореферате цветаевский микроцикл «Куст» представлен как явление «пограничное, основанное на столкновении конвергентных и дивергентных интенций» (стр. 50), однако в тексте диссертации я не нашел убедительной аргументации этого сомнительного тезиса. Во всяком случае, по своей творческой рефлексии эта «московская акмеистка», несомненно, принадлежит к неотрадиционализму.

Несколько неожиданным для меня оказалось обращение О.Н. Скларова к прозе Л.Я. Гинзбург. При всей значимости размышлений о не вполне автобиографической природе этой прозы рассмотрение данного материала было бы уместнее, на мой взгляд, в первой части диссертационного исследования. А художественная проза неотрадиционализма наилучшим образом была бы представлена «Доктором Живаго» Пастернака. Впрочем, понятно, что это резко увеличило бы объем и без того не маленькой диссертации.

Бросается в глаза несоразмерность второй и первой глав второй части. До известной степени это может быть мотивировано

количественным ослаблением присутствия неотрадиционализма в исторический период постмодернистского затмения умов, хотя отыскать целый ряд подходящих примеров не составило бы большого труда. Однако количественное наращивание иллюстративного материала качественно не изменило бы достигнутого результата.

А результат этот весомый и впечатляющий. У меня имеется только одно принципиальное критическое соображение.

На мой взгляд, О.Н. Складов излишне сближает неотрадиционализм с рефлексивным традиционализмом, постулируя некий единый «традиционный тип творческого сознания». Между тем, в одном случае за словом «традиция» кроется незыблемость жанрового канона (как утверждал Аристотель, трагедия уже в его время, достигнув достоюлжной ей формы, остановилась в своем развитии), а в другом – живая линия литературной преемственности, непрерывно преобразующаяся, по Элиоту, вхождением в ее состав всякого нового литературного шедевра.

На самом деле постсимволистская неклассическая художественность, генетически восходящая к рефлексивному традиционализму, – это социалистический реализм. Мысль Синявского о том, что соцреализм – это классицизм XX века, не то, чтобы неверна, но она неточна. По сравнению с классицизмом у соцреализма была принципиальная новизна, общая для всех постсимволистских линий литературной эволюции, – жинетворческая ориентированность на адресата. Соцреалистический «инженер человеческих душ» занимался «формовкой» читателя, руководствуясь при этом нормативно-канонической «учебой у мастеров». Рефлексивный же традиционализм, следуя стандартной дидактичности, ведашь не ведал о возможностях столь активной программы эффективности художественного

воздействия. Горация и классицистов интересовала лишь мера читательского одобрения, какого заслуживает литературный текст.

Суть наших расхождений с автором диссертации в следующем. По моему убеждению, традициональность русских акмеистов – отнюдь не первичная их интенция. Это лишь закономерное следствие прихода этих художников слова к конвергентной ментальности, с позиций которой «я не могу стать самим собою без другого» (Бахтин), в частности без предшественника, без традиции как анфилады предшественников. Освоение творческих возможностей «доминанты на второе лицо» (по выражению Ухтомский) имеет с рефлексивным традиционализмом общности не больше, чем «соборное» сознание с «легионом» (по терминологии Вяч. Иванова).

Как мне представляется, О.Н. Скляр в своем искреннем и очень мне понятном увлечении позитивными ценностными аспектами неотрадиционализма частично их перенес и на рефлексивный традиционализм, рассмотрел в нормативной художественности якобы предтечу принципиально нерегламентарного («модернистского») акмеизма. Однако это явное, на мой взгляд, искажение природы рефлексивного традиционализма, к счастью, совершенно не сказалось на трактовке самого предмета диссертации.

Поэтому я могу с уверенностью высказать самую высокую оценку рецензируемой работы. Хотел бы при этом отметить очень хороший, на мой взгляд, язык диссертанта, за которым ощущается глубокая и весьма привлекательная, поистине неотрадиционалистская манера мышления.

Мне остается заключить, что фундаментальное исследование, представленное к защите, четко, ясно и полно излагающий содержание диссертации автореферат, а также около 30 репрезентативных научных публикаций автора (в частности: 2 монография, учебное пособие и 15 статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК), вполне

отвечают требованиям, изложенным в п. 9, 10 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК. В диссертации на основании проведенных автором глубоких исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное научное достижение в области филологии. Из этого следует, что Олег Николаевич Скляр, несомненно, заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по специальности «Теория литературы. Текстология» (10.01.08).

Доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой теоретической
и исторической поэтики РГГУ

В.И. Тюпа

125993, Москва, Миусская пл. 6
(495) 250 6844
v.tiupa@gmail.com

18.02. 2015

Подпись В.И. Тюпа

УДОСТОВЕРЯЮ

Ученый секретарь

